

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-73-81

Особенности когнитивного стиля Б. Шергина

(На примере концептуализации образа моря)

Татьяна Александровна Сидорова*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия,
e-mail: t.sidorova@narfu.ru*

Цель исследования – выявить особенности когнитивного стиля Б. В. Шергина посредством осмысления художественного образа моря в произведениях писателя. Анализ данного образа осуществляется в аспекте когнитивной поэтики, которую автор статьи определяет как основной способ лингвопоэтической интерпретации художественного текста. Основными принципами интерпретации при этом становятся концептуальные структуры, отраженные в тексте.

В процессе исследования уточняется понятие «когнитивный стиль» в корреляции с художественным текстом, выделяются компоненты когнитивного стиля, объективированные художественным образом моря, определяется их специфика.

В статье осмысливаются известные структуры знания – пресуппозиции, концепты, мотивы, идеи и др., а также смысловые доминанты и смысловые конструкторы как устойчивые смыслообразования, которые детерминируются ценностными установками, потребностями автора, его мировоззрением и мировосприятием. Таким образом, в процессе интерпретации текста учитывается специфика художественного языкового сознания автора, включающего особенности социокультурного сознания поморов – представителей особой субкультуры.

Исследование показало, что каждый из компонентов когнитивного стиля Б. В. Шергина имеет специфические признаки. Манера подачи информации в тексте характеризуется особой эмоциональной напряженностью: понятные и близкие народу бытовые ситуации получают бытийное осмысление. Среди когнитивных механизмов особую роль играет вторичная концептуализация концептов поморской культуры: многие из них приобретают признак духовности. Специфика когнитивного стиля автора обусловлена особенностями его сознания, поэтому среди структур знаний центральное место занимают сентенции, смысловые доминанты, смысловые конструкторы, стереотипы, ценностные установки и оппозиции.

Ключевые слова: когнитивный стиль; когнитивная поэтика; художественное сознание; когнитивные механизмы; концептуализация; структуры знаний; интерпретация; художественный образ

Ссылка для цитирования: Сидорова Т. А. Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (На примере концептуализации образа моря) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 73–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-73-81.

The Features of B. Shergin's Cognitive Style

(On the Example of the Conceptualization of the Image of the Sea)

Tatyana A. Sidorova*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: t.sidorova@narfu.ru*

The main aim of this research was to identify the features of B. V. Shergin's cognitive style through comprehension of the artistic image of the sea in the works of this writer. An analysis of this image was conducted from the standpoint of cognitive poetic. Cognitive poetic is considered as the main method of linguopoetic interpretation of a literary text, whose basic principles include analysis of conceptual structures reflected in the text. In the process of research, the concept of "cognitive style" in correlation with the literary text was clarified. The components of cognitive style, objectified by the image of the sea were specified. Since the literary text was interpreted from the position of cognitive poetics, the main attention was paid not only to linguistic, but also to mental structures. Furthermore, the article explores the well-known structures of knowledge: presuppositions, concepts, motives, ideas, etc., along with semantic dominants and semantic constructs as strong meaning formations, which are determined by the author's needs, values, world view and world perception. Therefore, the process of text interpretation takes into account the specificity of linguistic and artistic

consciousness of the author, including features of the socio-cultural consciousness of Pomors (members of a subculture). The study showed that each component of B. V. Shergin's cognitive style has its specific characteristics. The manner of presenting information in the text is characterized by a special emotional tension: understandable and close to the people daily life gets an ontological understanding. Among the cognitive mechanisms, the secondary conceptualization of the concepts of Russian Northern culture plays a special role: many of them acquire a sign of spirituality. It is shown that the specifics of the author's cognitive style is determined by the features of his consciousness; therefore, the knowledge as *sententias*, semantic dominants, semantic constructs, stereotypes, values and oppositions holds the central position.

Keywords: *cognitive style; cognitive poetics; artistic consciousness; cognitive mechanisms; conceptualization; structure of knowledge; interpretation; artistic image*

A reference for citation: Sidorova T. A. The features of B. Shergin's cognitive style (On the example of the conceptualization of the image of the sea). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, № 1, pp. 73–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-73-81.

Творчество Бориса Викторовича Шергина прежде всего является социокультурным наследием поморов, поскольку вобрало в себя мысли, чувства, мечты автора, связанные с поморским Севером. Пожалуй, самым ярким и любимым образом автора стал образ моря. Любой образ, как «результат отражения объекта в сознании человека, объективен по своему источнику — отражаемому объекту и субъективен по способу (форме) своего существования»¹. Образ моря в рассказах Б. Шергина является художественным и понимается как его специфическая форма. Структурным элементом образа моря является концепт «море».

Как отмечает Г. Н. Поспелов, образ — это способ выражения поэтической мысли, конкретно-чувственной картины мира [Поспелов 1988]. Изучением природы художественного образа занимались Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Б. М. Гаспаров, Н. А. Илюхина, Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелев и др. Мы не ставим задачи описать художественный образ моря в произведениях Б. Шергина, хотя этот образ выбран в качестве объекта нашего исследования. Предмет исследования — компоненты когнитивного стиля писателя, объективированные художественным образом моря, — детерминированы целью исследования — выявить специфику когнитивного стиля писателя.

Понятие «когнитивный стиль»² осмысливается нами как совокупность когнитивных механизмов формирования и интерпретации смыслов текста / дискурса в аспекте

его смысловой целостности, актуализирующих индивидуальные способы восприятия и репрезентации мира.

К компонентам когнитивного стиля мы относим не только когнитивные механизмы формирования и интерпретации смыслов текста, но и сами смыслы как структуры знаний, а также способы восприятия объектов мира и их репрезентации, в том числе манеру подачи информации. Среди известных структур знания особое внимание обращаем на пресуппозиции, ценностные установки, концепты, смысловые доминанты и смысловые конструкты. Под смысловыми доминантами мы понимаем ментальные структуры сознания, коррелирующие с групповыми ценностями и предназначенные для регуляции познавательной и интерпретационной деятельности носителей лингвокультур. Смысловые конструкты — это устойчивые смыслообразования, которые детерминируются ценностными установками, потребностями автора, его мировоззрением и мировосприятием. Это критерии интерпретации смысловых доминант, выделяющихся на основе анализа когнитивных и языковых механизмов выражения смыслов [Сидорова 2018: 107–112]. Смысловые конструкты актуализируют модально-оценочный аспект художественного дискурса. Подчеркнем их корреляцию с личностными и социокультурными ценностями автора.

Художественный образ моря в произведениях Б. Шергина является результатом эстетического восприятия действительности, поэтому он подвергается субъективной концептуализации. Отражая природную реалию море, образ содержит и отношение автора, и его оценку, личностный смысл, в том числе и духовный. Автор воплощает

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. — М., 1983. — С. 446.

² См., например, определение в словаре: Кубрякова Е. С., Демьянкова В. З., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996. — С. 109.

в образе моря собственные ценностные ориентиры, представления, идеалы.

Б. В. Шергина называют «певцом Гандвика — Белого моря» [Теребихин 1993]. Действительно, образ моря является сквозным в произведениях писателя, уникальным гармоничным сочетанием различных жанровых элементов: рассказ, фольклор, почтение, сентенции, миф. Будучи ключевым, образ становится способом отражения художественного сознания автора. Следует отметить, что художественное сознание писателя содержит компоненты разных видов сознания, которые так или иначе объективируются в дискурсе. Например, высказывание *Все свои знания Маркел объединял одним словом «художество»* («Художество»)³ объективирует метаязыковое сознание как проявление гносеологической функции языкового сознания. Высказывание *Не от слов, а от дел и примера моего учись нашему художеству. Наш брат думает топором* («Мастер Молчан») актуализирует коммуникативное сознание: пустословие осуждалось поморами, а молчание или песня во время работы ценились. Языковые пресуппозиции, стереотипные ситуации, культурные установки, концепты, идеи объективируют в художественном дискурсе элементы когнитивного сознания писателя. Следует заметить, что Б. В. Шергин был носителем поморского социолекта. Под языковым сознанием носителей социолекта мы понимаем результат лингвокреативной интерпретации отраженного в языковой семантике исторически и социально сформированных представлений о мире в соответствии с ценностными установками той или иной социокультуры. Социокультурная специфика языкового сознания, по нашему мнению, обусловлена системой нравственных, мировоззренческих, ценностных установок и идеалов носителей социолекта, сформировавшихся веками в их сознании и объективированных в социолекте [Сидорова и др. 2018: 498]. Однако «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016: 10]. Писатель тоже моделирует в языковом

сознании мир, а читатель, воспринимая его, расшифровывает смыслы, закодированные языковыми средствами.

Море, как центральный образ в творчестве Б. Шергина, получает не только объективную, но и социокультурную интерпретацию и оценку. Выполняя в художественном дискурсе определенную композиционную роль, он взаимодействует с другими образами (образ тишины, образ ветра, образ неба, образ корабля, морских животных, птиц, людей и т. п.), включаясь в образную систему писателя. Механизмом создания образности становится язык, который является формой образа, а образ, в свою очередь, концептуализирует ценностные установки, смысловые конструкты, идеи, концепты.

Море является амбивалентным архетипическим образом. Поморы тоже осмысливали море двояко: как источник жизни и как враждебную стихию, несущую смерть. Ср.:

В море простор, ширь, свет, люблю в море!;

Тошно в море — земля и небо стонут...

(«Мурманские зуйки»).

Следует отметить, что образ моря в произведениях Б. Шергина — это результат восприятия и интерпретации объекта природы. Поэтому мы считаем данный образ категорией сознания автора. Вступая в новые ассоциативные отношения в художественном дискурсе, образ моря становится компонентом художественной картины мира. Следовательно, образ моря, являясь формой выражения индивидуального сознания автора, фиксирует и представляет социокультурный и культурно-исторический опыт как автора, так и поморов в целом.

Героями рассказов Б. Шергина зачастую выступают поморские промысловики или судостроители. Для писателя характерна тенденция к обобщениям. Даже внешность помора описывается как стереотипная:

Но у старика брови — как медведи, бородаща из-под глаз растет — поди улови взгляд.... Из-под нависших бровей старика сияли утренние зори. («Мастер Молчан»).

В последнем примере автор концептуализирует смысловой конструкт: *человек должен найти свет внутри себя*. Внутренний свет — это гармония внутреннего мира

³ Здесь и далее текст цит. по: Шергин Б. В. Древние памяти: Поморские были и сказания. — М., 1989.

человека с внешним. Труд для мастера — радость для души, поэтому во время работы он песню поет:

Сапожник ли, портной ли, столяр ли — поют за работой («Художество»);

С утра со восхожего и до закатимого стукоток стоит под Кононову песню. Далеко слышно по воде-то. («Рождение корабля»).

Для поморов труд был потребностью, а не необходимостью. Особенностью человека труда, мастера является и его физическая сила, что соотносится с философской идеей о неразрывной связи духа и тела:

Был Конон Тектон велик ростом, глазами светел и грозен, волосы желты, как шелк. (Там же).

Сила и физическое здоровье необходимы для полноценного существования. О гармонии с внешним миром свидетельствует взаимовлияние человека и природы:

Матрос песни запоем, в гармонь заиграет... А седой океан будто пуше загремит, затрубит, подпевать человеку примется. («Мурманские зуйки»).

Так писатель концептуализирует идею родства человека и природы. Именно это ощущение является основой духовности человека.

Море — незаменимая ценность для помора, так как формирует его, дает ощущение свободы:

Как куропать вырвавшись из силка, устремился я к старой и вечно юной морской жизни;
О море! Души моей строитель!
(«Егор увеселялся морем») —

концептуализируется сакральный смысл моря.

В рассказах Б. Шергина образ моря объективируется как активный субъект: *море любит, подпевает, слушает, вздыхает, забирает, веселится, гневается, спит, играет* и т. п. Такое отождествление концептуальных сфер природы (реалии моря) и человека характерно для фольклора. Б. В. Шергин не просто описывает тот или иной образ, но и передает свое отношение, выражает оценку, закладывает идеи и мотивы. Например, сознание автора отождествляет разные концептуальные сферы, а языковые средства объективируют это отождествление:

Малая вода пошла на большую, и тут море вздохнуло. Вдох от запада до востока прошумел. («Для увеселения»).

Наблюдается перенос одной ситуации (человек вздохнул) на другую (море вздохнуло). Так автор делает действия моря чувственно воспринимаемыми (актуализируется слуховой модус). Антропоморфные метафоры характеризуют не только море, но и связанные с ним реалии:

Земляк мой *северный ветер* — первому мне весть подает, с первым со мной здороваться прилетит («Слово о родимой стороне»);

И *льдина* под ногами завизжала, не любит тоже в море идти; и т. п.

Образ моря концептуализирует представления поморов о море как центре мира:

Над землей, над морем выяснило («Гнев»);
На море уже отемнело («Любовь сильнее смерти»);

И тот час ему с моря голос Олешин донесло (Там же).

Море — особый волшебный локус:

Матрос песню запоем, в гармонь заиграет — смотришь, за кораблем тюлень молодой плывет. Головочка у него черненькая, взгляд умильный, ручками он перебирает, песни слушает. Под самым носом корабля белуха белобрюхая, зверь морской, ростом с корову, любит перевертываться да играть. Пробку свою оттыкает, из зашейка фонтаны водяные пускает, что кит.
(«Мурманские зуйки»).

Суффиксы субъективной оценки становятся маркерами необычного мировидения автора. Концептуальный признак *волшебности, необычности* актуализируется и моделированием ситуации таинственности, сверхъестественности:

Еще берег не закрылся, от переднего корга проплакало по-гагачьи: — Кык-куим! Я к бабушке хочу! И от заднего корга отвылось — как бы гагара: Баба, нингад няня! Отыми у Ладошки. («Чудские боги»).

Сверхъестественная сила словно вступает в коммуникацию. Пространственный образ моря подвергается авторской субъективации: окрашивается, «звучит», представит как сказочное:

И вот слышим: за туманной завесой кто-то играет на гусях. Кто-то поет, с кем-то беседует. Они это, Иван с Ондрейном! Туман-то будто рука подняла. Заветный островок перед нами,

как со дна моря всплыл. Камни вокруг невысокого взлобья. На каждом камне большая белая птица. А что гусли играли, это легкий прибой. Волна о камень плеснет да с камня бежит. Причалили; осторожно ступаем, чтобы птиц не задеть. А они сидят, как изваяния. Всё как заколдовано. Всё будто в сказке. То ли не сказка: полночное солнце будто читает ту доску личутинскую и начитаться не может. («Для увеселения»).

Автор видит в привычном пейзаже что-то прекрасное, изображая его как волшебный локус. Здесь можно отметить когнитивный механизм взаимодействия концептуальных пространств привычного и прекрасного/фантастического.

Писатель моделирует собственный поморский мир, бросая взгляд «изнутри». И этот мир гармоничен этнокультурному миру русского народа, так как в художественном дискурсе используются фольклорные поэтические средства, обновляющие образы. Образ моря предстает перед читателем то как реальный локус, то как фантастический.

Пространственный образ моря перекликается с временным. В рассказах писателя море может влиять на восприятие времени: *Осенью, когда в море наступят дни гнева и мрака...* («Детство в Архангельске»). Концептуализируется субъективное восприятие времени через характеристику моря (зрительный и слуховой модусы взаимодействия). Время тоже влияет на море, как и на ветер: *Опасен в эту пору побережник* («В отнoсе морском»). Море воздействует и на погоду: *День стоял погожий, но с обеденной поры старики запоглядывали в край моря* («Дождь»). Особенностью художественного дискурса писателя становится слияние прошлого и настоящего. Герои постоянно вспоминают события, ситуации, истории из прошлого, и эти воспоминания живут в настоящем: *Как забыть?* («Для увеселения»). Настоящее становится продолжением прошлого. А маркер этой неразрывной связи — обычай, традиции, закон морской: *Таково рыбацкое обыкновение: «Пола мокра, дак брюхо сыто»* («Для увеселения»); *...вековой это поморский обычай — смертную одежду в море брать* («В отнoсе морском»). Пространственно-временной аспект художественного образа моря расширяет представления об этой реалии и концептуализирует духовное сознание автора, для которого море

и человек — части одной природы: *Мы Белого моря, Зимнего берега народ. Для поморов море является жизненным пространством. И автор словно подкрепляет это утверждение рассказом «В отнoсе морском», трансформируя его в одну идею-сентенцию: Море нас поит, кормит, море и погребает.*

Море, как локус природы, описывается как пространство реальное и волшебное одновременно. Этот образ получает объективацию и посредством других образов: волны, льды, ветер, туман, скалы, морские звери, птицы, рыбы, острова, погода, а также через концептуальную сферу человека.

Трансформация рассказов в одну сентенцию или разворачивание идеи в рассказ — характерная черта когнитивного сознания писателя, отражающая специфику манеры подачи информации:

Тогда прок, когда делаешь дело по совести, на общую пользу («Дождь»);

Наш брат думает топором («Мастер Молчан»);

Сам себе на радость никто не живет («Общая казна») и др.

Таким образом, наряду с народными пословицами (*Кому до чего, а кузнецу до наковальни; Остер топор, да и сук зубаст; Лежа добра не добыть, горе не избыть* и др.) автор широко использует и собственные сентенции как структуры социокультурных знаний. Все они становятся репрезентантами смысловых доминант и конструкторов: *труд должен быть в радость; красота важнее пользы; труд — это необходимость; дело важнее слов; радость должна быть сердечной; единство с дружиной — состояние души; мореходство — праведный труд* и т. п.). Это ценностные установки автора как представителя субэтнoса поморов. Объективация пословицы или сентенции в рассказе на примере конкретной ситуации — примета когнитивного стиля Б. В. Шергина.

Своеобразна манера подачи информации писателем. Доминирует непрямая коммуникация, что повышает эстетическое воздействие на читателя. Назовем основные приемы такой коммуникации.

Прежде всего, следует обратить внимание на сравнения. В качестве сравнений используются то артефакты (*волосы желтые, как шелк; играть карбасом, как мячиком; каждый рубль — что гвоздь на постройку*

моему желанному кораблю и др.), то природные реалии (*голос, как река, бежал, как поток, гремел; как звезда в ночи* и др.), то животные (*как кони вороны с седыми гривами, валы летят по океану; брови, как медведи*, и др.), то стереотипные ситуации (*карбас работали, как именинницу сряжали; на работу, как в гости ходил; работали — как песню пели* и др.), то стереотипные образы и представления (*работу, как бешеный, хватаю; сделался как дикой* и др.). Как видим из примеров, сравнения актуализируют структуры знаний, отражающих опыт поморов. Писатель видит в обыденном сокровенное (когнитивный механизм — взаимодействие концептуальных пространств).

Отсюда и метаморфозы, трансформации образов, характерные для рассказов: остров Шпицберген трансформируется в *Груммант-медведя*, столешница — в *произведение искусства*, туманы — в *жемчужные барашки*, валы — в *кружево белое на черном бархате* или в *вороних коней с седыми гривами*, горы черные — в *медведей*, корабль — в *чаечку* и т. п.

К приемам непрямо́й коммуникации следует отнести и гиперболы: у *старика брови — как медведи; из-под нависших бровей старика сияли утренние зори*. Характерны для Б. Шергина аллегории: *кружево белое на черном бархате* (смерть); *в ложке за море не поедешь; к моему плачевному берегу радость на всех парусах подошла; пока, Матюша, твое солнце взойдет, роса очи выест; баржу за себя привязать* (жениться) и др. Автор широко использует средства поэтики фольклора. Например, в рассказах много эпитетов: *грозный промысел; седой океан; легкокрылые суда, вечно юная морская жизнь* и т. п. Рефлексивную стратегию номинации реализуют перифразы: *рас-сол морской* — морская вода; *морское чудо* — пароход; *побоище морское* — убийство морского зверя; *белые мухи* — снег и др. Среди языковых средств особое место занимают лексические и деривационные.

Автор широко использует диалектную лексику, маркирующую особенности речи поморов. Эта лексика тоже становится приметой индивидуального стиля писателя, включающего и когнитивный стиль: *глядень, окутки, корга, затайка, лахта, голубеюшко, взводень* и т. п. Используются речевые и поведенческие стереотипы поморов, в основе которых — речевой и духовный идеалы. Например, глаголы речи, функционирующие

в рассказах, имеют словарную помету «неодобрит.»: *балаболить, бубнить, вопиять, налягать* (языком) и т. п. У поморов не принято пустословить, громко и невнятно разговаривать, оговаривать кого-либо, лгать. Среди деривационных средств особую роль играют суффиксы субъективной оценки как маркеры поморской культуры. Например, в рассказе Б. Шергина «Детство в Архангельске» с помощью суффиксов, выражающих субъективную оценку, маркируется не только почтительное отношение к дому отца, но и уважительное отношение к предметам, сделанным своими руками, что является одной из традиций поморов:

Комнатки в доме были маленькие, низенькие, будто каютки: окошечки коротенькие, полы желтенькие, столы, двери расписаны травами. По наблюдникам синяя норвежская посуда. По стенам на полочках корабельные модели оснащены. С потолков птички растопорщились деревянные — отцово же мастерство. («Детство в Архангельске»).

В высказывании *В те дни и годы отобралось маленькое стадышко низовских моряков в артель...* Б. Шергин употребляет производное *стадышко*, объективируя идею значимости мастера в жизни артели. Вне контекста аффикс *-ышк-* в производном маркирует сему незащищенности. Называя так моряков, неоднократно рискующих жизнью, автор реализует социокультурную установку: артель (*стадышко*) нуждается в духовном наставнике. Так объективируются ценностные установки автора и хронотоп духовной культуры. В слове *стадышко* репрезентируется интеграция способов восприятия действительности — предметно-чувственное, образное и рефлексивное.

Следует отметить, что суффиксы субъективной оценки способны объективировать идею гармонии между внутренним и внешним мирами поморов, ощущение их единства. Например, в абстрактно-оценочных наименованиях (*непогодушка, работушка, смерточка, хмелинушка, стукоток, теменца, въздыханыще* и т. п.) эти суффиксы помогают выразить любовь к родной земле, традициям, красоте, труду. В оценочных словах типа *непогодушка, смерточка* объективируется мотив задабривания пугающих явлений. Подобные номинации содержат социокультурный код. В номинации *взводёнок* суффикс актуализирует сразу

несколько смыслов: 'живое существо' (тропеизация), 'маленький', 'идея единства человека и природы', 'доброжелательное отношение к объекту природы'. Писатель обновляет антропоморфные образы природных реалий.

В художественном мире Б. Шергина историческое (реальное) и мифическое сосуществуют так же, как уживаются в народном сознании языческие представления, календарные обряды и христианские ценности. В основе рассказов — бытовая событийность: работа, строительство корабля, болезнь, смерть, рождение, борьба со стихией, дружба и т. д. Однако глубокий смысл связан с целым рядом идей русской философии: *смерть неизбежна, поэтому ее не надо бояться; труд — это потребность; радость должна быть сердечной; нельзя печалиться; единство — состояние души* и т. п. Таким образом, в текстах параллельно представлены событийно-физический, мифический, духовный и символический аспекты. Идеи формируются в текстах не только эксплицитно, с помощью авторских сентенций, но и имплицитно — посредством мотивов, интенций, установок, концептов, сем, понятий, символов, образов, эмоций и т. д.

В среде поморов веками складывалось свое когнитивное пространство, отличающееся совокупностью собственных представлений о действительности. Так, в творчестве Б. Шергина можно выделить следующие смысловые доминанты духовной культуры поморов, связанные с образом моря: *море* — источник радости, вдохновения, свободы, жизни, господин, батюшко, духовный наставник, центр мира, незабываемая ценность, источник беды, смерти, самодостаточное жизненное пространство, микрокосм, особый волшебный локус, духовный стержень человека и т. п. На основе этих доминант выделяются смысловые конструкторы: *море и человек — части одной природы, море — сакрализованное пространство, море — символ жизни / смерти*. Смысловые конструкторы можно рассматривать и как прагматические presuppositions [Демьянков 1981: 115–132].

Образ моря объективирует эстетические, нравственные, мировоззренческие, ценностные установки, идеалы, формировавшиеся из века в век в сознании поморов. Концепт «море», как часть художественного образа, стоит в одном ряду с такими культурными концептами, как «отец», «мать», «земля»,

«смерть», «жизнь», «труд», «знание». В языковом сознании писателя образ моря представлен как совокупность взаимодействующих обобщенных образов: субъект-море, объект-море, состояние-море, событие-море.

Таким образом, специфика когнитивного стиля Б. В. Шергина заключается, прежде всего, в манере подачи информации:

- бытовая ситуация будто стягивается автором в сентенцию (*Сам себе на радость никто не живет*);

- наблюдается тенденция к обобщениям (стереотипизация образов, характеров, внешности);

- доминирует зрительный и слуховой модусы восприятия действительности;

- реализуется взгляд автора «изнутри»: автор зачастую является участником события, поэтому доминирует его аксиология, базирующаяся на социокультурных ценностях и установках поморов;

- транслируется хронотоп духовной культуры поморов посредством включения в повествование концептов их культуры, обрядов, примет, традиций, пословиц и поговорок, диалектной лексики;

- информация передается как течение мысли путем ее трансформации, посредством приемов метаморфозы, аллегории, гиперболы, перифразы (например, взаимодействие реальных и фантастических образов моря). Дискурсивный смысл трансформаций аксиологичен, так как детерминируется ценностными установками автора;

- информация имеет поликодовый характер — наряду с языковым кодом, реализуются цветовой, пространственно-временной, код православной культуры, мотивационный, эстетический и др. Цветовое ощущение является результатом зрительного опыта и памяти. Цвет в произведениях Б. Шергина становится социокультурно маркированным феноменом, так как на его восприятие влияют традиции народа, особенности его менталитета. Например, белый цвет символизирует чистоту, святость, а черный — смерть, беду. Звуки тоже являются социокультурно маркированными. Отсюда и бытовые сравнения в рассказах;

- коммуникация с читателем непрямая (сравнения, метафоры, приращение смысла, аллегории, метаморфозы, символы и т. п.);

- автор использует собственную систему когнитивных доминант, духовный центр

которых составляют концепты «совесть», «честь», «душа», «радость». Взаимодействуя с ключевыми концептами поморской культуры — «стыд», «лень», «труд», «знание», «море», «закон», «дом», «семья», «слово» и др., когнитивные доминанты объективируют прагматический и аксиологический аспекты языкового сознания автора;

- создается особая эмоциональная напряженность в дискурсе: понятные и близкие народу бытовые ситуации получают бытийное осмысление;

- интеграция способов восприятия и репрезентации мира. Среди способов восприятия и репрезентации объектов мира, связанных с морем, особо выделяются образный, модально-оценочный, рефлексивный. Их дополняет рациональный способ восприятия.

Назовем когнитивные механизмы концептуализации и интерпретации смыслов, связанных с образом моря:

- отождествление разных концептуальных сфер (например, природа и человек);

- тропеизация (*взводёнок, грозный промысел*);

- концептуальные метафоры (антропоморфные, зооморфные, предметные);

- взаимодействие концептуальных пространств (обыденное и сокровенное / духовное; привычное и прекрасное; физическое и мифическое; реальное, фантастическое и сакрализованное);

- символизация / типизация (например, море — символ жизни/смерти, свободы, центра мира);

- концептуальная интеграция (например, *морской закон, поморская премудрость*);

- инференция — выведение смысла на основе языковых и неязыковых знаний (*кружево белое на черном бархате* и др.). Например, «русский дух» — это традиционный уклад жизни поморов, традиционный пейзаж;

- вторичная концептуализация концептов поморской культуры. Например, «радость», «веселье», «корабль», «льдина», «море», «знание» у Б. Шергина становятся духовными концептами. Радость должна быть только *сердечная*. Веселье *сердечное* противопоставляется веселью *скарденному*. Корабль становится символом дома. Льдина — центром мира. Море воспринимается как сакральный локус, священный.

Знания коррелируют с духовной сферой и опытом;

- профилизация смысла (актуализируются смыслы, представляющие ценность для поморов). Например, прилагательное *художный* (мастер) концептуализирует признаки *опытный, знающий, делающий всё с душой и добротой*.

Структуры знаний, объективированные в рассказах:

- пресуппозиции (прагматические и социокультурные ценностные установки): *корабельный мастер — это и духовный наставник; смерть неизбежна, поэтому надо принимать ее как данность; труд — это потребность, а не необходимость* и др.;

- смысловые доминанты: *море — источник радости, вдохновения, свободы, жизни, господин, батюшко, духовный наставник, центр мира, незыблемая ценность, источник беды, смерти, самодостаточное жизненное пространство, микрокосм, особый волшебный локус, духовный стержень человека* и т. п.;

- смысловые конструкты: *море и человек — части одной природы; море — сакрализованное пространство, море — символ жизни / смерти; прошлое — часть настоящего; в творчестве заключена мудрость народа* и др.;

- идеи: *гармонии человека с внешним миром; родства человека и природы как основы духовности человека; ценности нравственного опыта предков, традиций; незыблемой ценности моря для поморов; преемственности ценностных ориентиров* и т. п.;

- концепты: «добро», «семья», «дом», «море», «знание», «труд», «радость», «ветер», «художество», «благо», «воля», «совесть», «единство» и др. Особо важным компонентом в структуре этих концептов является духовный;

- мотивы: *смерти, страха, таинственности / загадочности, мученичества, света, воды* и др.;

- сентенции: *Тогда прок, когда делаешь дело по совести; Праздное слово сказать — все равно что без ума камнем бросить; Сам себе на радость никто не живет* и др.;

- стереотипы (образов, речи, поведения): например, глаголы речи, передающие психологическое состояние персонажа и оценки этого состояния согласно поморскому этикету — *бубнить, гоготать, вопиять, рывкнуть, балаболить, ругаться*,

горячиться и др. В поморской культуре неодобительно оцениваются громкий смех, громкая речь, брань, раздражение, пустословие, несдержанность, хвастовство;

— ценностные оппозиции: *веселье сердечное — веселье скаредное; свое — чужое* (западное).

Специфика когнитивного стиля автора обусловлена особенностями его сознания. Поэтому ряд общекультурных концептов получает особую объективацию в художественном дискурсе Б. Шергина. Например, концепт «единство» объективируется таким признаком, как *состояние души человека*. Концепт «воля» объективируется признаками *внутренняя свобода, право поступать по совести*. Концепты приобретают духовный статус. Отметим и специфическую категоризацию объектов мира. Например, море, корабль, дом, льдина становятся центром мира / земли для поморов.

Ценностный уровень названных концептов включает смысловые доминанты как ценностные ориентиры поморов и смысловые конструкторы, являющиеся жизненными постулатами поморов, маркирующими их духовную культуру, транслятором которой выступает Б. В. Шергин.

Дискурсивное осмысление образа моря в творчестве Б. Шергина позволило определить специфические признаки когнитивного стиля писателя, основной чертой которого является присутствие духовного модуля во всех текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10–20.

Демьянков В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. — М., 1981. — С. 115–132.

Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение / под ред. Г. Н. Поспелова. — М., 1988.

Сидорова Т. А., Морозова О. Е., Котцова Е. Е., Болгова Н. С., Иванничева О. Н. Социокультурная специфика языкового сознания поморов (моряков и рыбаков Архангельского Севера) // International Journal of Engineering & Technology. — 2018. — Vol. 7. — № 4.38. — pp. 497–501.

Сидорова Т. А. Объективация духовной культуры поморов в региональной языковой картине мира // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции. 18–20 октября 2018 г. — Архангельск, 2018. — С. 107–112.

Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. — Архангельск, 1993.

REFERENCES

Boldyrev N. N. Cognitive schemas of linguistic interpretation. In *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*. 2016, No. 4, pp. 10–20. (In Rus.)

Dem'yankov V. Z. Logical aspects of the semantic study of sentences. In *Problems of linguistic semantics*. Moscow, 1981, pp. 115–132. (In Rus.)

Pospelov G. N. Introduction to literary criticism / ed. G. N. Pospelov. Moscow, 1988. (In Rus.)

Sidorova T. A., Morozova O. E., Kotczova E. E., Bolgova N. S., Ivanishheva O. N. Social and cultural specifics of the pomor linguistic consciousness (sailors and fishermen of North Arkhangelsk). In *International Journal of Engineering & Technology*. 2018, vol. 7, No. 4.38., pp. 497–501. (In Rus.). DOI:10.14419/ijet.v7i4.38.24611

Sidorova T. A. Objectification of the spiritual culture of Pomors in the regional linguistic picture of the world. In *Language as a reflection of the spiritual culture of the people: materials of the International Scientific Conference*. Arkhangelsk, 2018, pp. 107–112. (In Rus.)

Terebixin N. M. Sacred geography of the Russian North. Arkhangelsk, 1993. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Александровна Сидорова, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и речевой культуры, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова; набережная Северной Двины, д. 17, Архангельск, 163002, Россия

Tatyana A. Sidorova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Higher school of Social and Humanitarian Sciences and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Severnaya Dvina embankment, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia